

Глава 7: Дополнительное задание

В «Хижине в лесу» чудовище с одним глазом разделяло на кухне труп, который определённо принадлежал ребёнку. Но Пещера Четырёх Морей — запретная зона, откуда здесь взяться человеку, кроме абитуриентов и экзаменаторов? Тем более ребёнку.

Цэнь Цзинь размышлял над этим, пока не пробрался на кухню, чтобы стащить руку из ведра. Тогда-то он и увидел на разделочной доске деформированную, распухшую голову с пепельно-серыми глазами и лицом, испещрённым чёрными трещинами, словно склеенную из кусков гипса. Тело было иссохшим и обезвоженным, с синевато-серой кожей, будто высушенной на ветру. Стало очевидно, что это труп человекоподобной аномалии, выглядевшей как дитя.

Из пяти запретных зон под это описание подходило только «Плачущее дитя». Добавив к этому пол, стены и чердак, заваленный мешками с костями, Цэнь Цзинь пришёл к выводу, что два чудовища из «Хижины в лесу» постоянно охотятся на Обиженных детей из зоны «Плачущего дитя».

Синевато-серое Обиженное дитя и та, что сидела у него на спине, цвета воронова крыла, очевидно, были разного уровня. Судя по боевой мощи, первое уступало двум тварям из «Хижины», поэтому именно на него и велась охота.

Запретные зоны «Хижина в лесу» и «Плачущего дитя» были одного уровня, и прямое столкновение между ними лишь сыграло бы на руку двум другим зонам. Поэтому обе стороны никогда не вступали в открытый конфликт. Десятки мешков на чердаке свидетельствовали о том, что «Хижина в лесу» охотилась регулярно, а Обиженное дитя цвета воронова крыла, не находя выхода, было вынуждено мириться с этим хрупким равновесием.

Если бы кто-то предложил способ нарушить этот баланс, вряд ли бы Обиженное дитя не соблазнилось.

В общем, у «Хижина в лесу» и «Плачущего дитя» была вражда, и Цэнь Цзинь намеревался этим воспользоваться.

Именно поэтому он и побежал в запретную зону «Плачущего дитя», а не «Одноногого духа земли».

— Я могу стравить Одноногого духа земли и Хижину в лесу, а ты в конце выйдешь и поглотит их. Ты будешь тем самым воробьём, что сидит на ветке и ждёт. У тебя хватит сил сожрать их в одиночку, Лесничий не посмеет сунуться.

Лесничий был слабейшей аномалией из всех запретных зон. Поэтому, когда они оказались на развилке, Хижина осмелилась подобраться на пять-шесть метров, а Лесничий держался на расстоянии пятидесяти-шестидесяти. Будь на его месте любая другая аномалия, Хижина в лесу и близко бы не подошла.

Обиженное дитя оскалилось и сильнее сжало шею Цэнь Цзиня. Острые чёрные ногти глубоко впились в плоть, выступила кровь.

— Я знаю, ты меня понимаешь, — внешне спокойно произнёс Цэнь Цзинь.

Кожа других Обиженных детей была синевато-серой, и только у той, что сидела у него на спине, она была цвета воронова крыла, почти зловеще-чёрная. Вероятно, она была их вожаком, сильнейшей из всех. С того момента, как Цэнь Цзинь заговорил, смех прекратился. Что до удушения, то он расценил это как попытку устрашения.

Переговоры — это искусство. Сначала дипломатия, потом война. Он не был экспертом, но кое-что в этом понимал.

«Упустишь этот шанс — другого такого добряка, как я, больше не найдёшь, — Цэнь Цзинь сжал тесак и безобидно улыбнулся. — Конечно, можешь убить меня. Если сможешь, разумеется».

Шею пронзала острая боль, липкая кровь стекала по коже, но Цэнь Цзинь лишь нежно поглаживал тесак, продолжая улыбаться.

— Знакомый ножичек? Я взял его в Хижине в лесу.

Именно «взял», а не «украл» или «отнял». И он вышел оттуда живым.

Цэнь Цзинь почувствовал, что впившиеся в его шею ногти замерли, но, не обращая на это внимания, продолжил:

— Видишь рану на плече? Это Лесничий оставил. Та сумасшедшая баба, что вечно мусор у реки собирает. Я разбил ей лицо и язык.

Он ещё и со змеелюдом-марионеткой успел сцепиться.

— Будда велел не убивать по утрам, поэтому я пощадил Лесничего. А тебя я выбрал в партнёры потому, что состою в обществе защиты детей.

— Мы сработаемся, избавимся от Хижины в лесу, сожрём Одноногого духа земли, а потом разделаем на куски Лесничего, расширим свои владения, загрязним новые, далёкие земли и в итоге вернёмся в подземное водохранилище!

При упоминании «подземного водохранилища» аномалии, казалось, ощутили крайний ужас. Обиженное дитя цвета воронова крыла разразилось пронзительным смехом, и остальные синевато-серые дети тут же подхватили его. Вся колоннада священных столпов наполнилась их смехом, похожим на отчаянный детский плач. Неудивительно, что их прозвали «Плачущим

дитя».

Цэнь Цзинь чувствовал, как из ушей течёт кровь, но выражение его лица стало ещё более спокойным.

— Точно отказываешься? Можешь убить меня, но перед смертью я заберу с собой половину твоей жизни. И как долго ты протянешь с оставшейся половиной? День? Час? Угадай, кто получит первое убийство?

— А-а-а! — пронзительно взвизгнуло Обиженное дитя, издав нечто похожее на высокочастотный звук.

Улыбка Цэнь Цзиня стала шире, в его облике проступили черты безумца.

— Я в одиночку прошёл через Лесничего и Хижину в лесу, отделавшись лишь царапиной, да ещё и с трофеем... Мне ничего не стоит устроить здесь резню.

Он провёл ладонью по лезвию тесака, и кровь потекла по пальцам. Выражение его лица стало восторженным, словно душа его жаждала боли и крови. Он обвёл взглядом колоннаду священных столпов, и его взор, скользнувший по каждому Обиженному дитя, был подобен прикосновению ядовитой змеи. Зловещее безумие в его глазах пугало больше, чем одноглазый монстр и безликая женщина из Хижины в лесу.

Это был человек, но он казался более извращённым, чем любая аномалия, которую когда-либо видели Обиженные дети.

Обиженное дитя цвета воронова крыла было порождением боли и ненависти детей, погибших во время ритуала забивания живых свай. Загрязнение из подземного водохранилища превратило её в кровожадную человекоподобную аномалию с разумом пяти-шестилетнего ребёнка.

Она почувствовала опасность, исходящую от этого желтоволосого, и ощутила страх, не решаясь вступить в бой. Она боялась, что другие аномалии воспользуются ситуацией, но в то же время предложение Цэнь Цзиня её соблазняло.

Изображая из себя маньяка, Цэнь Цзинь мысленно считал шаги. Он хотел сначала успокоить Обиженное дитя и незаметно выполнить условие «девятью девятью шагами — и ты в мире людей». Возможно, это был шанс выбраться из колоннады священных столпов.

До конца экзамена оставалось девятью минут, но это не имело значения. Всё скоро закончится.

Он забудет всё, что произошло в запретной зоне, вернётся в город, найдёт работу, накопит

денег и поступит в вечерний университет. Совмещая работу с учёбой, он получит диплом, найдёт работу с девяти до пяти и проживёт спокойную и счастливую жизнь.

В этот миг Цэнь Цзинь распланировал своё будущее, но в следующую секунду заметил, что Обиженные дети, которые постепенно приближались, остановились и замолчали. Они просто смотрели на него. А ребёнок на его спине уже взобрался на плечо и показала своё лицо, покрытое трещинами.

— Хорошо.

«Что?» — Цэнь Цзинь подумал, что ему послышалось.

— Как... — голосовые связки Обиженного дитя были повреждены известковым раствором, и голос её звучал, как скрежет песка по чугунной сковороде, — избавиться от Хижины в лесу и Шаньсяо?

Её абсолютно серые глаза зловеще уставились на Цэнь Цзиня. Она думала сначала избавиться от Хижины в лесу и Шаньсяо, а когда съест их, разобраться и с этим человеком.

Цэнь Цзинь оказался в безвыходном положении, и ему стало грустно.

Он молчал слишком долго.

— Ты обманул меня? — спросило Обиженное дитя.

От этого вопроса температура резко упала, и ледяной холод пробрал Цэнь Цзиня до костей. Но он не мог показать этого. Его взгляд стал ещё более свирепым и безумным.

Цэнь Цзинь опустил глаза и посмотрел на Обиженное дитя.

— Я никогда не лгу. Хижина в лесу, Одноногий дух земли и Лесничий будут твоими. Но ты должен помочь мне прорваться в подземное водохранилище.

Он во второй раз упомянул «подземное водохранилище», и Обиженные дети снова выказали страх.

«Точно боятся».

В конце концов, подземное водохранилище было, так сказать, отцом всех этих тварей. Боятся — это нормально.

— Что делать? — спросило Обиженное дитя.

— Я выманю Хижину в лесу, ты — Одноногого духа земли. Мы стравим их на развилке.

— Я буду приманкой?

— А что, не хочешь напрягаться? Вся выгода тебе, а вся грязная работа — мне? Думаешь, в мире бывает такая халява?

Обиженное дитя вскипело от обиды. Цэнь Цзинь холодно посмотрел на неё, и в его глазах читалось безумие. Он был похож на смертника, идущего по канату, которому плевать на смерть, но который перед смертью утянет за собой всё, что окажется рядом.

Обиженное дитя было уверено, что Цэнь Цзинь — маньяк. Её влекло предложение, но она боялась ловушки, и в то же время не могла отказаться от соблазна поглотить Хижину в лесу.

— Меняем план. Я выманю Хижину, ты — Одноногого духа земли.

— Если не боишься, что на тебя снова будут охотиться, как хочешь.

Времени на промедление не было, нужно было действовать по ситуации. К счастью, Цэнь Цзинь, выбрав запретную зону «Плачущего дитя» как точку прорыва, уже продумал такой вариант. Если не получится сбежать — придётся драться.

За исключением более слабого Лесничего, из трёх оставшихся запретных зон «Плачущее дитя» находилось в самой опасной ситуации. Оно было пищей для Хижины в лесу и, возможно, входило в рацион Одноногого духа земли. Оно было слабой стороной, на которую охотились, поэтому этот треугольный баланс был неустойчив.

— Прежде чем начать, мне нужно приготовить приманку для Одноногого духа земли, — сказал Цэнь Цзинь.

После этих слов на задней крышке его часов снова мигнула красная точка, но этого опять никто не заметил.

После заключения сделки завывающий ветер стих, и Обиженные дети исчезли. Но Цэнь Цзинь отчётливо чувствовал, что с каждого священного столпа на него направлен злобный взгляд.

Он был уверен, что если попытается сбежать из запретной зоны, Обиженные дети тут же

начнут на него охоту.

Почесав затылок, Цэнь Цзинь вернулся на развилку. Он заметил, что Хижина в лесу осталась на месте, а Лесничий исчез.

Он присел и стал хладнокровно наблюдать. Через несколько минут он увидел, как кора на одном из древних деревьев медленно зашевелилась. Белая змея с чёрными глазами обвила ствол и, застыв, продолжила слежку.

Лесничий, должно быть, прятался где-то поблизости, ожидая, когда он появится, чтобы напасть.

Цэнь Цзинь отметил про себя, что интеллект этих аномалий не уступает человеческому. Если бы их было больше, разве они не смогли бы с лёгкостью уничтожить человечество?

Он подкрался к кустам у Хижины в лесу и увидел, как Обиженное дитя материализовалось на ступеньках хижины. Оно на четвереньках, как ящерица, быстро взобралось на карниз и приготовилось пробраться внутрь, но в этот момент его заметил Медноголовый у двери. Он поднял тревогу. Одноглазый монстр внутри проснулся и издал сотрясающий землю рёв.

— Р-р-р-о-а-р!

— Хи-хи-хи...

В хижине переплетались пронзительный детский смех и яростный рёв монстра.

Мгновение спустя из хижины выскочила чёрная тень, а за ней, с огромным топором в руках, выбежал одноглазый монстр. Они быстро скрылись в густом лесу.

Вот он, момент!

Цэнь Цзинь немедля подбежал к крыльцу и, занеся тесак над широко раскрытым от возбуждения ртом Медноголового, со всей силы опустил его вниз, прямо в ошарашенные и испуганные глаза твари.

Бах!

— А-а-а-а-у!

Цэнь Цзинь, не говоря ни слова, согнав на нём всю свою злость и обиду, принялся яростно кромсать Медноголового. Тот постепенно терял форму, истекая вонючей кровью. Только когда

Медноголовый взмолился о пощаде, Цэнь Цзинь прекратил своё жестокое деяние.

— Пощади... пощади... я был неправ, братан, я был неправ, а-а-у!

Цэнь Цзинь с силой рубанул ещё раз.

— Какой я тебе братан?

Череп Медноголового раскололся надвое, обнажив белёсый мозг. Услышав вопрос, он тут же исправился:

— Хозяин.

— Доволен, — сказал Цэнь Цзинь. — Кто из них — одноглазый монстр или безликая женщина — настоящий хозяин хижины?

— Никто из них. Хижина в лесу — живая. Одноглазый и безликая — просто жильцы.

— Как стать хозяином?

— Н-н-не знаю, — задрожал Медноголовый.

Цэнь Цзинь, не говоря ни слова, дважды ударил его по черепу.

— Я правда не знаю! — взвыл Медноголовый. — Я только знаю, как одноглазый и безликая стали жильцами и не были съедены!

— Говори, — остановился Цэнь Цзинь.

— Кормить! — быстро выпалил Медноголовый. — Что угодно, она ест всё, плоть и кровь. Если накормить Хижину в лесу, можно стать её жильцом!

Вот почему одноглазый охотился на Обиженных детей? Чтобы платить за жильё?

Цэнь Цзинь вспомнил стену в гостиной хижины, покрытую барельефами людей и животных, и чердак, заваленный костями. «Слишком прожорливая, не прокормишь», — подумал он.

— Ты врёшь мне.

— Не вру! — взвизгнул Медноголовый.

— Если вся добытая плоть уходит на корм хижине, откуда у одноглазого и безликой еда для жертвоприношений Одноногому духу земли? Не ври мне, я давно знаю, что они охотятся на Плачущее дитя, чтобы приносить его в жертву Одноногому духу земли, — сказал Цэнь Цзинь с бесстрастным лицом и холодным, безжизненным взглядом. — Ты нечестен. Лучше я тебя просто прикончу.

— Я всё скажу!.. — Медноголовый был готов разрыдаться. Он никогда не встречал такого жестокого человека. Всего несколько минут назад этот парень был как побитая собака.

— Потому что кормить нужно раз в месяц.

Раз в месяц? Тогда прокормить можно.

— Зачем они поклоняются Одноногому духу земли?

— Одноглазый и безликая поклоняются Одноногому духу земли, чтобы в конечном итоге поглотить его. Ради мести и удовлетворения своей жадности. Изначально они были людьми. Слышали, что, поклоняясь Одноногому духу земли в Пещере Четырёх Морей, можно разбогатеть, поэтому убили похищенного ребёнка. Они блуждали по лесу четыре дня, труп сгнил, и они бросили его в реку. В итоге они пришли к Одноногому духу земли с пустыми руками. Без жертвы мужчина убил женщину, содрал с неё кожу и, выдав за детское мясо, обманул Одноногого духа земли. Он жадно потребовал слишком много золота и серебра, и разъярённый Одноногий дух земли разорвал ему лицо и съел... Как раз в это время произошёл выброс из водохранилища, и под воздействием загрязнения из их жадности родились две аномалии. Одноглазый и безликая до сих пор не отказались от золота и серебра Одноногого духа земли. Они хотят не только завладеть его сокровищами, но и съесть его. А для поклонения Одноногому духу земли много плоти не нужно.

«Подношение из слитков, благовоний, сырого мяса и крови. Спроси у Одноногого духа земли, где золото и серебро». Всё сходилось с народными поверьями.

Ведро со слитками и благовониями, охота на Плачущее дитя. Запретная зона, но у статуи Одноногого духа земли — сожжённая жёлтая бумага, свечи и странные обломки костей... Связь между Хижиной в лесу, Одноногим духом земли и Обиженным дитя стала ясна.

Цэнь Цзинь постучал по Медноголовому тесаком и тихо пригрозил:

— Помни, кто твой хозяин. Попробуешь предать — увидишь.

Медноголовый изо всех сил втянул голову в свой медный панцирь. Если бы можно было всё вернуть, он предпочёл бы быть просто тихой и мирной головой.

Обиженное дитя могло отвлечь одноглазого монстра не более чем на пять минут, времени было в обрез. Предупредив Медноголового, Цэнь Цзинь толкнул дверь, вбежал на кухню, схватил ведро с сырым мясом и кровью, слитками и благовониями и бросился в сторону спальни. Он грубо снёс замок с двери, ворвался в комнату, нашёл замок и зажигалку и быстро взбежал на чердак.

Мешков с костями на чердаке стало вдвое меньше, но там по-прежнему было темно и жутко, особенно в туалете, где жила безликая женщина с длинными волосами, оттуда веяло могильным холодом.

Дверь в туалет была приоткрыта, и несколько прядей чёрных волос шевелились, словно живые.

Цэнь Цзинь осторожно подошёл, резко захлопнул дверь и запер её. Безликая женщина внутри поняла, что кто-то вторгся, и, не сумев открыть дверь, пришла в ярость. Она с силой забарабанила в дверь, издавая звериный рык.

Дверь сотрясалась от ударов, а Цэнь Цзинь тем временем выломал дверь в комнату слева.

Из-под двери туалета уже выползали жуткие чёрные волосы. Снизу послышался шум — одноглазый монстр вернулся!

Услышав шум на чердаке, он огромными шагами бросился наверх. Его топор скрежетал по стене, издавая пронзительный звук. Сердце Цэнь Цзиня сжалось, ладони вспотели от напряжения. Если одноглазый его поймает — ему конец.

Кроме окна в левой комнате, на чердаке не было другого выхода. Он был как мышь в мышеловке.

С громким треском дверь комнаты наконец поддалась. Цэнь Цзинь ворвался внутрь. Чёрные волосы безликой женщины, свившись в змею, преследовали его. В это же время одноглазый монстр взбежал на чердак и через несколько шагов оказался у двери комнаты.

Цэнь Цзинь уже выломал окно. Обернувшись, он увидел одноглазого монстра, который был слишком высок, чтобы пройти в дверь, и яростно ревел на него. Посмотрев на него несколько секунд, монстр вдруг развернулся и побежал.

Сердце Цэнь Цзиня ёкнуло. Схватив ведро, он быстро вылез из окна и спрыгнул вниз. Кровь брызнула ему на одежду, но он не остановился ни на секунду. Едва коснувшись земли, он тут же бросился бежать.

Одноглазый монстр уже был у двери и стремительно выскочил наружу. На этот раз он бежал так, словно был готов преследовать Цэнь Цзиня до самой смерти. Видимо, двукратное вторжение в его логово окончательно вывело его из себя.

Цэнь Цзинь, стиснув зубы, бежал так, что глаза налились кровью. Задыхаясь, он вдруг яростно закричал:

— Твой выход! Задержи его на пять минут!

Он звал Обиженное дитя, но ответа не было. Сердце Цэнь Цзиня похолодело. Он знал, что Обиженное дитя мстит ему. Если оно сейчас подведёт, он погибнет первым.

— Если сейчас не избавишься от Хижины, то, когда они съедят Шаньсяо и станут сильнее, ты будешь следующей на очереди!

Едва он договорил, как несколько чёрных теней, похожих на рысей, набросились на одноглазого монстра, вцепившись ему в руки и ноги. Одноглазый схватил одного и разорвал пополам. Из-под земли вырвались чёрные волосы, похожие на лианы, и, обвив другое Обиженное дитя, разорвали её на куски.

Меньше чем за две секунды позади развернулась сцена из ада, залитая кровавым дождём.

Цэнь Цзинь бежал не оглядываясь. Через несколько прыжков он оказался у статуи Одноногого духа земли и тяжело опустил ведро. Подняв голову, он, задыхаясь, произнёс:

— Сырое мясо, кровь.

Он зажёт благовония и слитки и тихо сказал:

— Спроси у Одноногого духа земли, где золото и серебро?

Похожая на горного демона статуя не двигалась. Вдруг зашелестели листья, и со стороны запретной зоны Одноногого духа земли подул зловещий ветер. Издалека донёсся вой, похожий на плач обезьяны, и он становился всё ближе.

Цэнь Цзинь вдруг увидел в ста метрах на лесной тропе фигуру. Она стояла на одной ноге, вывернутой назад, верхняя часть туловища была широкой, нижняя — узкой. Ростом около двух с половиной метров, покрытая зелёной шерстью. Двумя руками она закрывала лицо, и было не разобрать, как оно выглядит.

Цэнь Цзинь моргнул, и фигура резко приблизилась, оказавшись менее чем в пятидесяти метрах.

Ему стало жутко, сердце бешено заколотилось.

И в этот момент его часы со спутниковым позиционированием замигали красным светом, и раздался механический голос:

— Поздравляем абитуриента Цэнь Цзиня с запуском цепного задания «Змеелюд-марионетка», «Плачущее дитя», «Одноногий дух земли» и «Хижина в лесу». Пожалуйста, решите это дополнительное задание. Желаем вам приятного экзамена.

— ...

На мгновение отвлекшись, Цэнь Цзинь снова поднял глаза и увидел, что Одноногий дух земли уже стоит прямо перед ним, в двух метрах, неподвижно.

В его зрачках отчётливо отражалось жуткое лицо демона, руки, прикрывающие лицо, красно-белая маска и изогнутые в улыбке глаза. Взгляд был прикован к нему. Вид был крайне странным и пугающим.

<http://bllate.org/book/13658/1581990>